

ТОЛСТОЙ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Юность
•
Женитьба
•
«Война и мир»

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 0

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Т52

Комментарии Г. Краснова

Т52 Толстой в воспоминаниях современников : Юность. Жени́тьба. «Война и мир» : [сборник] / [коммент. Г. Краснова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 334 с. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

ISBN 978-5-517-02776-4

В сборник вошли мемуары, дневники и письма С. А. Толстой, А. А. Фета, П. И. Чайковского, И. Е. Репина и других, воссоздающие портрет Л. Н. Толстого до периода «духовного перелома» в биографии писателя.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-517-02776-4

© Краснов Г. В., наследники, комментарии, 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ЮНОСТЬ. КАВКАЗ. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

С. А. Толстая

Материалы к биографии Л. Н. Толстого и сведения о семействе Толстых и преимущественно гр. Льва Николаевича Толстого

24 октября 1876 года

Граф Л. Н. Толстой родился 1828 года, 28 августа в сельце Ясной Поляне, где мы и теперь. Ясная Поляна было имение матери Л. Н., которое она наследовала от отца. Он был четвертый сын графа Николая Ильича и графини Марьи Николаевны, рожденной княжны Волхонской.

Имя Лёв дано ему было по следующей причине: князь Николай Сергеич Волхонский был очень дружен с князем Голицыным и еще с детства помолвил свою единственную дочь за сына Голицына. Но молодой князь Лев Голицын умер в молодости, и княжна Марья Волхонская, вышедши впоследствии уже не в молодых годах за графа Толстого, назвала в память своего молодого, умершего жениха сына своего Львом¹. Она к нему чувствовала всегда особенную нежность и называла его: «mon petit Benjamin»^{*}.

Еще не было ему двух лет, когда умерла его мать², и потом всегда, на всю жизнь женское попечение о детях перешло в руки дальней родственнице, но прелестнейшей тетушке Татьяне Александровне Ергольской, которая никогда не хотела выйти замуж, навсегда осталась с Толстыми, в семействе которых была воспитана, и воспитала детей, любила их, как

^{*} Мой маленький Вениамин (франц.).

своих собственных, и, наконец, и умерла у нас в доме в глубокой старости 20 июня 1874 года.

Не было еще Льву Николаевичу 8 лет, как раз его отец застал его за какой-то хрестоматией, в которой маленькой Левочка с большим увлечением и с интонациями читал стихи Пушкина «На смерть Наполеона»³. Отца поразила, вероятно, верность интонаций и увлечение ребенка; он сказал: «Каков Левка, как читает, ну-ка прочти еще раз». И, позвав из другой комнаты крестного отца Льва Николаевича Семена Ивановича Языкова, он при нем заставил сына читать стихи Пушкина⁴.

Судя по словам старых тетушек⁵, которые мне рассказывали кое-что о детстве моего мужа, и также по словам моего деда Исленьева, который был очень дружен с Николаем Ильичем, маленький Левочка был очень оригинальный ребенок и чужак. Он, например, входил в залу и кланялся всем задом, откидывая голову назад и шаркая. А то раз его заперли в наказание в комнату во втором этаже, а он выпрыгнул оттуда, следствием чего было то, что он сутки проспал, а потом остался совершенно здоров⁶.

Первые года детства прожил Л. Н. в кругу многочисленного своего семейства в Ясной Поляне. Кроме отца, матери и старой бабушки Пелагеи Николаевны, семейство состояло из пяти детей, тетушки Татьяны Александровны, тетушки Александры Ильинишны и воспитанницы ее Пашеньки. Жили они довольно уединенно, и самые близкие и частые посетители Ясной Поляны были мой дед Исленьев и его шестеро детей, в том числе и мать моя, которую раз, расшалившись, Лев Николаевич столкнул с террасы, и она долго хромала. Впоследствии она смеясь говорила ему, что, «видно, ты меня для того в детстве столкнул с террасы, чтоб жениться на моей дочери».

Дом, в котором жило семейство Толстых, был наскоро построен на начатом кн. Волхонским каменном фундаменте отцом Льва Николаевича и был очень велик. Он стоял посреди двух каменных флигелей, построенных тоже Волхонским, и впоследствии был продан по желанию Льва Николаевича во время его пребывания на Кавказе. Теперь он стоит, как был, в селе... помещика Горехова⁷.

Многие эпизоды из детства Льва Николаевича описаны в его «Детстве». Но не все типы взяты из семейства Толстых. Например, тип «папá» в «Детстве» есть живой портрет моего деда Исленьева; гувернантка Мими тоже жила у деда. Но первый воспитатель их Федор Иванович (в «Детстве» Карл Иванович) действительно существовал и описан таким, каким он был. Потом воспитателем их был умный, живой француз St. Thomas, который, вероятно, видел в меньшем из четырех братьев что-нибудь особенное, потому что он говорил про него: «*Ce petit a une tête; c'est un petit Molière*»*.

Когда я спрашивала других и самого Льва Николаевича, хорошо ли он учился, то всегда получала ответ, что «нет». Но это, главное, объяснялось тем, что разница лет между им и другими братьями была слишком велика, и им, как меньшим, плохо занимались.

Когда ему было восемь лет, все семейство жило в Москве, куда поехали, чтоб брать учителей старшим братьям. Глава дома была бабушка; ее все боялись и уважали. Тетушка Александра Ильинишна, несчастная в супружестве, все молилась, принимала странников, помогала бедным и ходила в церковь. Детьми и домом занималась Татьяна Александровна.

Как-то раз летом отец уехал по делам в Тулу, и, идя по улице к приятелю своему Тимяшеву, он вдруг упал и умер скоропостижно. Некоторые думают, что он умер ударом, другие предполагают, что его отравил камердинер, так как деньги у него пропали, а именные билеты принесла уже в Москве к Толстым какая-то таинственная нищая.

Когда умер Николай Ильич, тело его из Тулы привезли в Ясную Поляну, и хоронила его Александра Ильинишна и старший сын его Николай. Лев Николаевич рассказывал, какое он испытал чувство, когда стоял в трауре на панихидах отца. Ему было грустно, но он чувствовал в себе какую-то важность и значительность вследствие такого горя. Он думал, что вот он такой жалкий, сирота, и все это про него думают и знают, но он не мог остановиться на потере личности отца. Отец и мать Льва Николаевича похоронены у нашей церкви в часовне, там и брат Дмитрий.

* Этот малыш — голова; это — маленький Мольер (франц.).

Смерть сына совсем убила старую бабушку Пелагею Николаевну*. Она умерла тоже через девять месяцев от тоски и горя чахоткой. Опекуншей детей назначена была Александра Ильинишна. Беспомощная, но милая, честная натура, она занималась и делами и детьми.

Меньших — Льва, Митеньку и Машеньку увезли в Ясную Поляну, где они и жили довольно долго с Татьяной Александровной. Старшие учились и жили зимами в Москве с Александрой Ильинишной и m-r St. Thomas. Но и она прожила недолго. Место ее заступила Пелагея Ильинишна, другая, меньшая сестра отца, которая жила в Казани и была замужем за Владимиром Ивановичем Юшковым.

Прежде чем оставить совсем тетюшку Александру Ильинишну, надо и о ней сказать несколько слов; история ее очень трогательна.

Замужем она была за графом Остен-Сакен. Он был ревнивый и сумасшедший человек. В первый же год ее замужества она раз ехала с ним в дорогу в карете. Она была беременна на седьмом месяце. Он стал с ней говорить, что кто-то за ним гонится, стал упрекать ее, что она знает, кто гонится, что она в заговоре с кем-то против него, и, наконец, пришел в бешенство, вынул пистолет и выстрелил ей в грудь. Пуля ранила ее навывлет. Вследствие этого, конечно, начались сейчас же родовые муки. Принуждены были остановиться у какого-то дьячка, и Александра Ильинишна родила преждевременно дочь, которая тут же скончалась. Но она все спрашивала, где ее ребенок; все боялись ее огорчить и потому скрыли от нее его смерть. Случилось так, что в том же доме жена дьячка, у которого было большое семейство, тоже родила дочь; она охотно уступила свою девочку, которую и принесли к больной. Не знаю, почувствовала ли она обман, но знаю, до шести недель она эту девочку считала своей дочерью; и когда после ее выздоровления ей сказали, что это не ее дочь, хотя была очень огорчена, но ответила, что она считала ее шесть недель своей дочерью, так пусть всю жизнь будет считать ее дочерью. И так

* Она все плакала, всегда по вечерам велела отворить дверь в соседнюю комнату и говорила, что видит там сына, и разговаривала с ним. А иногда спрашивала с ужасом дочерей: «Неужели, неужели это правда, и его нет?» (Прим. С. А. Толстой.)